

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Людмилы Николаевны ВЕРХОВЫХ «Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка (на материале воронежского ономастикона)», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Воронеж, 2022. – 428 с.; автореферат: Елец, 2022. – 43 с.)

Любой живой язык существует только в форме регионального, диалектного континуума. Это закон его бытия, экзистенции, его сущность. Различные географические условия жизни народа, специфика социальных отношений, сохраняющиеся из древности традиции и постоянно нарождающиеся новые обычаи и правила жизнеустройства, контакты с разными этническими соседями неизбежно влекут за собой проявления особенностей народной речи на обширной территории проживания русского народа. Сколько раз заявлялось о смерти диалектов, с какой решительностью велась борьба с региональной речью в учебных заведениях, а она всё живёт, постоянно, как и весь язык, изменяясь, утрачивая какие-то единицы и явления, но и обретая новые. Народная речь – опора всего языка, на ней зиждутся и его литературная форма, и функция использования в качестве государственного, в ней черпают свои единицы просторечие и социолекты.

Народная речь является неизбывной частью общенародного языка, о котором так проникновенно говорил великий педагог, основоположник научной педагогики в России Константин Дмитриевич Ушинский (1823-1871): «Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, – народа нет более!» (Ушинский К. Д. Родное слово // Он же. Собр. соч. в 11 т. Т. 2: Педагогические статьи, 1857—1861 гг. Москва; Ленинград: Изд-во АПН РСФСР, 1948. – С. 558).

Важной частью народной речи являются проприальные единицы. В каждом регионе существуют свои традиции ономообразования и ономоупотребления. Может быть, они не столь ярко проявляются в личных именах, хотя и здесь можно встретить особенности проявления языковой моды (см.: Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике: Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2017. – 41 с.), но в фамилиях региональные особенности проявляются достаточно чётко. Вспомним остроумно выделенные В. А. Никоновым в России Ивановию, Кузнецовию,

две Поповии и Смирновию (Никонов В. А. География фамилий. Москва: Наука, 1988. – 192 с.). А микротопонимия представляет собой квинтэссенцию народного ономастикона, она сущностно региональна, специфична для каждой территории, о чём свидетельствуют, например, лексикографические труды Л. А. Климковой, Г. Ф. Ковалёва и других исследователей. Лингвокраеведческой спецификой обладают урбанонимия, эргонимия и некоторые другие разряды ономастики.

Автор рецензируемой диссертации формулирует понятие лингвокраеведческой субпарадигмы, которая определяется как интегративная модель исследования системы русского языка, предполагающая привлечение краеведческих данных для лингвистического исследования. Утверждается, что научные изыскания в таком случае осуществляются на основе и с привлечением краеведческих сведений (материалов архивных фондов, исторических музеев, историко-художественных, историко-культурных центров и др.) (с. 37). В этой дефиниции не слишком просматривается региональные характеристики народной речи, её диалектное членение, что, конечно, подразумевается понятием «система русского языка», однако было бы уместным детализировать языковую составляющую субпарадигмы. В целом, однако, можно согласиться с тем, что в современной русистике не представлено обоснование лингвокраеведческой парадигмы и нет системного описания методики лингвокраеведческого анализа при изучении региональных ономастических единиц, поэтому **актуальность** исследования определена верно (с. 8-9).

Л. Н. Верховых достаточно чётко определяет **объект и предмет** исследования (с. 9), точно формулирует **цель** диссертации, заключающаяся в изучении видов лингвистической и экстралингвистической информации, извлекаемой из региональных ономастических единиц на основе использования разных способов анализа языкового материала, включая и приёмы лингвокраеведческого анализа; в обосновании необходимости выделения лингвокраеведческой субпарадигмы в изучении русского языка для извлечения разноплановой информации из региональных имён собственных и решения прикладных задач лингвистики (с. 10). Вполне ёмко и точно дано определение **задач**, распределённых на два блока (с. 10-11).

Соискательница даёт обстоятельное определение **научной новизны** диссертации. В работе впервые было предложено обоснование лингвокраеведческой субпарадигмы в современной лингвистике; охарактеризована специфика лингвокраеведческого анализа региональных ономастических единиц; с целью извлечения различных блоков лингвистической и экстралингвистической информации на материале воронежского ономастикона показана возможность применения лингвокраеведческого подхода при изучении фрагментов региональной языковой картины мира и исследовании проблем русско-украинского взаимодействия (с. 11). Остальные параметры научной новизны не столь убедительны: место лингвокраеведения в системе лингвистических дисциплин определено многими предшественниками, некоторые

перечислены на с. 13; программа сбора ономастических единиц для их дальнейшей интерпретации в русле лингвокраеведческой субпарадигмы имеет в большей степени практическую, нежели теоретическую ценность.

Перечисление избранных для анализа **методов и приёмов** диссертантка даёт подробно (с. 12), все они обнаруживаются на страницах исследования. Несколько неудачно сформулирован «метод компонентного анализа актуализированных сем онимов»; думается, что метод компонентного анализа имеет более широкие возможности использования (см.: ЛЭС, с. 233-234).

Л. Н. Верховых определяет **материал**, включающий более 7,5 тысяч региональных имён собственных (с. 15), которые извлечены из архивных и иных краеведческих документов, а также были записаны автором во время экспедиций. В исследовании проанализированы ономастические данные как русско-, так и украиноязычных районов Воронежской области. Всего привлечён к анализу материал из 71 источника (с. 360-368), 12 из них в электронной форме, хотя указанные книги имеются в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга.

Убедительно описана автором **апробация** исследования (с. 11-12 автореферата, в диссертации отсутствует). Л. Н. Верховых приняла участие в 28 международных, всероссийских, региональных, вузовских научных конференциях в Арзамасе, Борисоглебске, Великом Новгороде, Волгограде, Воронеже, Тамбове, Ульяновске, Санкт-Петербурге, а также в Донецке (ДНР), Витебске (Белоруссия), Софии (Болгария) (с. 19-21). Со списком своих публикаций в автореферате исследовательница явно поскромничала: в нём приведено всего 25 позиций, из них одно учебное пособие и 18 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций. В этот список не включены, например, указанные в списке литературы диссертации 5 статей Л. Н. Верховых (позиции 59, 60, 62-64). Нам известны и другие публикации соискательницы (Верховых, Л. Н. Флора и фауна края в региональной языковой картине мира: на материале воронежской антропонимии / Л. Н. Верховых // Орбиты содружества: Сб. матер. междунар. научно-практ. конф. Волгоград: Фортесс, 2022. – С. 199-208). К сожалению, в этом списке не упомянута монография по теме исследования.

Достаточно подробно описаны **теоретический** вклад рецензируемого исследования и его **практическая** значимость (с. 15). **Теоретической базой** исследования стали ключевые положения работ по парадигмальному изучению современной лингвистики, теории и методике ономастики, региональной ономастике, ономастической лексикографии, лингвокраеведению и лингвострановедению, языковой картине мира, диалектологии, лингвокультурологии, этнолингвистике, этнопсихоллингвистике и др. (с. 12-14).

Положения, выносимые на защиту (с. 16-18) изложены несколько лаконично, однако в целом они находят продолжение в тексте диссертации и соотносятся с выводами диссертации. Рассмотрим эти положения и систему их доказательств в тексте работы. В идеальном случае в диссертации должны

координироваться задачи, положения, выносимые на защиту, количество глав (разделов, частей) и содержание основных выводов.

В первом положении определяется, что лингвокраеведческая субпарадигма в изучении русского языка – исторически сложившееся направление исследования языковых единиц, образуемое в основе своей пересечением сравнительно-исторического, антропоцентрического и системно-структурного векторов изучения языка.

Доказательство этого положения содержится в первой главе работы. В выводах по главе автор выявляет ключевые для лингвокраеведения лингвофилософские идеи: положение о связи языка с историей, об историческом характере языковых явлений, антропоцентрические теории изучения языка и менталита, отражённого в языке, системно-структурная основа изучения языкового материала (с. 65).

Второе положение утверждает, что лингвокраеведческий анализ – актуальный способ исследования национального языка, позволяющий полностью изучить региональные ономастические единицы и сделать объективные выводы; научное изучение особенностей функционирования регионального ономастикона базируется на применении приёмов лингвокраеведческого анализа.

Это положение рассматривается во второй главе диссертации, которая занимает 42,5% всего текста работы (с. 66-217). Диссертант отмечает, что основной целью лингвистического краеведения является изучение особенностей языка региона в различных формах и сферах функционирования (в народных говорах, в региональном ономастиконе и фольклоре, в художественной литературе и публицистике, относящихся к краю, в исторической литературе и архивных документах) на основе привлечения краеведческих сведений (с. 213). Подтверждено наблюдение Л. А. Климовой о том, что истоки научной лингвокраеведческой деятельности в России связаны с творчеством В. К. Третьяковского и М. В. Ломоносова, заложившими прочный фундамент научных исследований в области русской диалектологии, региональной ономастики, лингвокраеведения (Климова, Л. А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве / Л. А. Климова // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т.23: Специальный выпуск. – С. 92-96).

Третье положение определяет, что региональный ономастикон достаточно чётко транслирует два блока информации, извлекаемой посредством лингвистического и лингвокраеведческого анализа: блок лингвистической информации и блок экстралингвистической информации. Данное положение рассматривается фактически во всей работе (с. 30, 98, 163, 168, 204 и др.), из него вытекают два следующих положения, которые можно было бы присоединить к нему, что сделало бы эту часть исследования более компактной и чёткой.

Четвёртое положение отмечает, что блок лингвистической информации, представленной в региональном ономастиконе, содержит сведения об особенностях региональной языковой картины мира; о развитии

региональной ономастической системы, о диалектных особенностях говора (прежде всего лексических), информацию о региональной специфике ономастикона (на фонетическом, лексическом, словообразовательном уровнях), о моделях именования человека в XIX веке, прежде всего крестьянина; о региональной специфике ономастических единиц, связанной с влиянием на онимы межъязыковых контактов в крае.

Исследовательница устанавливает, что в XIX веке ещё не закончился процесс формирования воронежской фамильной системы, антропонимикон содержит информацию о диалектных особенностях говора, обнаруживаются языковые единицы, имеющие украинский генезис (с. 355-357).

В *пятом* положении утверждается, блок экстралингвистической информации отражает особенности менталитета человека, связанные с общественно-историческими процессами и явлениями, природно-климатическими условиями проживания, даёт представления о межъязыковых контактах, о миграционных потоках на данной территории.

Л. Н. Верховых в своём материале обнаруживает, что микротопонимы отражают представление человека о пространстве и времени, зафиксированные в онимах языковые единицы указывают на общественно-исторические процессы, свидетельствуют о ремёслах, животных, растениях края, отражают сведения о миграционных потоках в регионе. По мнению соискательницы, наиболее важными в региональной языковой картине мира в области представлений о человеке являются характеристики человека по физиологическим особенностям, особенностям поведения и виду деятельности (с. 358).

В *шестом* положении, частично пересекающимся с предшествующими, исследовательница определяет, что региональная ономастическая картина мира посредством своего объекта исследования тесно связана с внеязыковой действительностью и транслирует разноплановые знания о человеке: о физиологических особенностях, особенностях поведения и характера человека, умственных способностях, особенностях речи, его этнической принадлежности, видах деятельности (ремёслах, занятиях, служебных обязанностях), особенностях представления человека о семье, родственных отношениях, его прежнем месте жительства, отражая антропоцентризм в восприятии человеком окружающего мира. Это положение, как и предыдущие, рассматривается в третьей главе, оно отражено в выводах по главе и в заключении.

Седьмое положение касается определения того, что лингвокраеведческое направление изучения русского языка имеет высокий научный потенциал, его вектор развития направлен, прежде всего, на изучение регионального ономастикона, фрагментов региональной языковой картины мира, лексикографическое описание региональных ономастических систем и микросистем; методика научного лингвокраеведческого описания языкового материала имеет выход и в лингводидактику. Доказательства этого положения также распределены по разным главам и параграфам работы, последний его аспект в основном сосредоточен в параграфе 3.4.

Серьёзным теоретическим и практическим потенциалом обладают и частные наблюдения автора. Исследовательница обнаруживает функционирование в архивных документах в именной формуле двух патронимов: *Михайла Васильев Шилов, Филипп Алексеев Чигиринов, Иван Петров Коломнищов, Степан Дементьев Колесников* (с. 242); судя по примерам, первый из них позже закреплялся в форме отчества, а второй – фамилии.

Важной функцией обладает в антропонимической номинации начала XIX века частица *же*: она свидетельствует о том, что ребёнок носит то же имя, что и отец или брат: *Семена Яковлева брат Семен же; Ивана Васильева сыновья Сергей, Сергей же; Игната Матвеева сыновья Степан, Иван, Иван же, Осип* (с. 243). Что же касается анализа лиц с двумя фамилиями, то в них используется не просто частица *же*, а формула *он же*: *Михий Личенков, он же и Дяченков* (с. 244). Эта формула может использоваться и в настоящее время: *Георгий Иванович, он же Гога, он же Гоша, он же Юрий, он же Гора, он же Жора, здесь проживает?* (фильм «Москва слезам не верит»).

Работа написана хорошим русским научным языком, терминология употребляется уместно, точно, без излишеств, соответствует парадигмам современной лингвистики и ономастики. Каждая глава завершается чётко сформулированными и вытекающими из предшествующего текста выводами, а сама работа заканчивается ёмким **заключением** (с. 355-359), которое не повторяет дословно выводы по главам, а содержит в сконцентрированном виде открытия и находки исследовательницы. Однако о *перспективах* исследования в нём сказано лишь вскользь.

Список литературы содержит 427 позиций (п. 106 пропущен, работа Л. А. Климковой повторена дважды: п. 137 и 139), а также 49 словарей (в их список ошибочно попала статья Л. А. Климковой, п. 13). В библиографии представлена практически вся доступная литература по анализируемой проблеме, она реально отражена в тексте диссертации (опечатки и неточности оформления в списке встречаются редко: №166, 205, 327). В списке имеются публикации на английском, белорусском, македонском, немецком, польском и украинском языках. Почему-то кириллические названия работ помещены вперемешку с латиническими. Отрадно отметить, что в библиографии достаточно хорошо представлены издания последних лет: 18 публикаций 2020 г., 35 – 2021 г. и 14 – 2022 (всего 15,7% от общего списка работ). Пропуски некоторых работ связаны с их факультативностью для данной диссертации или недоступностью в связи с выходом в свет небольшим тиражом в одном из провинциальных вузов. Некоторые публикации, вполне доступные в печатном виде, отмечены как электронные (п. 204, 233, 236 и др.). В автореферате даются в тексте сноски: [Климкова 2013, с. 462], [Суперанская 2009, с. 216]. Без полного текста диссертации они вряд ли будут понятны читателям.

Высоко оценивая диссертационное исследование Л. Н. Верховых, мы сделаем некоторые замечания, которые, надеемся, будут стимулировать соискательницу на дальнейший научный поиск и обеспечат необходимый уровень дискуссии на защите.

Определённые сомнения вызывают некоторые исторические рассуждения соискательницы. Автор сообщает: «Лопари, или саамы, отмеченные в значении лексемы *болдырь*, – это финно-угорский народ, представители данной народности тоже жили на территории Воронежского края» (с. 196). Саамы – малочисленный народ финно-угорской языковой семьи, проживающий *только* в Северной Европе: в Норвегии, Финляндии, Швеции и России (Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. Москва: Наука, 2003. – 670 с.). На территории Воронежской области могли жить представители других финно-угорских народов: мордвы, марийцев, удмуртов, мещеряков, потомков их смешанных браков с русскими здесь могли именовать болдырями, но всё же скорее речь может идти о детях, рождённых в браке с татарками или калмычками.

Не всегда можно согласиться с этимологическими решениями исследовательницы. Справедливо определяя фамилии *Шевченко*, *Шевчук*, *Швец* как образованные от слова *швец* (с. 239), автор не учитывает, что в украинском языке лексема *швець* обозначает не ‘портной’, а ‘сапожник’ (Білецький-Носенко П. Словник української мови / Підготував до видання В. В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1966. – С. 396).

Этимология фамилии Масычев от *мáсенський* ‘маленький’; *масéта* ‘малыш’ (с. 222) наталкивается на фонетические затруднения: у обоих апеллятивов основа заканчивается мягким звуком, а у фамилии он твёрдый. Может быть, более уместно связать этот антропоним с диалектным *мас* ‘1. Мелкий торговец, офеня. 2. Глупец, олух’. Второе значение отмечено в донских говорах (ст. Вёшенская) (СРНГ, т. 17, с. 380).

Слишком сложные фонетические доказательства следует привести для того, чтобы связать фамилию *Смышников* с зафиксированным В. И. Далем словом *смьшленик* ‘механик, инженер, искусник’ (с. 227). В СРНГ имеются более подходящие лексемы *смьжнуть* ‘незаметно уйти, убежать’, *смьчить* ‘моргать, мигать (глазами)’ (т. 39, с. 71, 77).

Напрасно автор связывает друг с другом фамилии *Кучеров* и *Кучерев* (с. 251). Первая образована от слова *кучер* с твёрдой основой, а вторая – от диалектного слова *кучери* ‘кудри’ с мягкой основой (СРНГ, т. 16, с. 189).

Не очень понятно, почему человека, который что-либо разлинеивает, могли назвать *линником* (с. 238), слишком много деривационных и фонетических вопросов возникает. Да и профессия не очень понятная. В народной речи встречается глагол *линить* ‘везти (о счастье, удаче)’ (СРНГ, т. 17, с. 50).

Отметим ещё раз, что сделанные замечания несколько не снижают общей положительной оценки выполненного соискательницей исследования. Диссертация Л. Н. Верховых является самостоятельной завершённой работой, содержащей новое решение актуальных научных задач, имеющей существенное значение для разработки проблем ономастики, русской диалектологии, этнолингвистики, лингвокультурологии. Выводы и материал

исследования могут быть использованы в вузовской и школьной практике, в разработке проблем теории языка, лингвокраеведения, ономатологии.

Представленная Л. Н. Верховых диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук «Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка (на материале воронежского ономастикона)» является самостоятельным научно-квалификационным исследованием, в котором содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологической науки. Научное сочинение отвечает критериям, указанным пп. 9-13 положения «О порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 №842 (в редакции от 26.03.2016 №237). Автореферат и публикации отражают основные научные идеи и практические результаты исследования. Текст автореферата и текст диссертационного исследования согласованы между собой и не противоречат друг другу. Работа соответствует паспорту специальности. Автор диссертации Людмила Николаевна ВЕРХОВЫХ заслуживает присуждения искомой степени по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент –
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и методики
его преподавания ФГБОУ ВО
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Василий Иванович Супрун

15 августа 2022 г.

Контактные данные:

Адрес: 400005, Волгоград, ул. Пражская, 8, кв. 6
Телефон: +7-905-338-43-45
e-mail: suprun@vspu.ru

Подпись Василия Ивановича Супруна заверяю:
проректор по научной работе ФГБОУ ВО «ВГСПУ»,
доктор физико-математических наук, доцент

Сергей Юрьевич Глазов

15 августа 2022 г.